

Финал рассказа окончательно проясняет авторскую позицию: прекрасная природа, «строгий месяц и ... чистые звезды – самые совершенные декорации в самом большом, самом прекрасном, самом правдивом театре...

– Звезды приклеены к небу? – спросил Витька, пожиратель чудес. Он не спал» [Там же].

Прекрасная поэтическая «кода»! И впоследствии «просветленные» финалы произведений будут столь любимы уже Вампиловым-драматургом.

Литература

1. Александр Валентинович Вампилов : биобиблиогр. указ. / сост. Л. А. Казанцева – Иркутск : изд. Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ки им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2012. – 495 с.
2. Вампилов, А.В. Стечение обстоятельств : Рассказы и сцены; Фельетоны; Очерки и статьи; Из неоконченного и неопубликованного; О Вампилове / Сост. В. Г. Распутин; примеч. Б. Ротенфельда. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – 448 с.
3. Люкшина, Г. «...И прости меня, и оправдай меня: История одной любви» // Наш современник. – 1999. – № 11. – С.140-153.
4. Мир Александра Вампилова : Жизнь. Творчество. Судьба : материалы к путеводителю / сост. Л. В. Иоффе, С. Р. Смирнов, В. В. Шерстов; вступ. ст. В. Я. Курбатова. – Иркутск : Издание ГП «Ирк. обл. тип. № 1», 2000. – 448 с., ил.
5. Румянцев, А. Г. Александр Вампилов: студенческие годы / А. Г. Румянцев. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. – 224 с.
6. Румянцев, А.Г. Вампилов / А.Г. Румянцев. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 332 с.
7. Румянцев, А. «Драматург на все времена...» О жизни и творчестве Александра Вампилова // Парус. – 2013 – 03.02 – №20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://litbook.ru/article/2974/> – Дата доступа : 07.02.2020.

S.R. Smirnov

Irkutsk State University
e-mail: ssrisu@yandex.ru

«Solntse v aistovom gnezde» by Alexander Vampilov (problem of genre specifics)

Key words: Vampilov, folk theater, genre transformation, short story, essay.

The article analyzes the genre transformation of Alexander Vampilov's essay «Solntse v aistovom gnezde» into a short story, traces the specifics of the perception of theatrical art by the hero-child, the peculiarities of the poetization of the theater by A. Vampilov-journalist and by Vampilov-writer.

С.Э. Сомов

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова
e-mail: somov@msu.by

УДК 821.161.3(075.8)

БЕЛОРУССКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ В СВЕТЕ ХРИСТИАНСКОЙ АКСИОЛОГИИ (на материале ораторской прозы Георгия Конисского)

Ключевые слова: нравственный облик, город, деревня, грех, покаяние.

В статье анализируются церковные проповеди Белорусского архиепископа Георгия Конисского, посвященные нравственному облику города и деревни; вскрываются мировоззренческие корни морального абсолютизма Конисского, лежащие в плоскости христианской аксиологии.

Проблемы нравственного состояния общества и отдельного человека всегда находились в центре внимания Белорусского архиепископа Георгия Конисского (1717–1795). Даже его сугубо научные сочинения («Поэтика», «Философия») и художественные произведения («Воскресение мертвых», «Интерлюдии», стихи), не говоря уже о пастырском богословии («Окружная увещательная грамота», «О должностях пресвитеров приходских») имели воспитательную духовно-нравственную направленность и служили делу исправления всевозможных человеческих пороков. Однако непосредственно целям этического строительства посвящены его многочисленные церковные проповеди. В них детально изображается и анализируется морально-нравственное состояние белорусских городов и сел второй половины XVIII века.

Георгий познакомился с жизнью белорусов, когда был уже сравнительно немолодым человеком. Он родился в г. Нежине на Украине, получал образование в г. Киеве, где 15 лет учился в Киево-Могиланской академии, а затем 10 лет преподавал там же поэтику, философию и богословие. Родные места он покинул в 1755 г., когда состоялась его архиерейская хиротония в епископа Могилевского и Белорусского. Родину он оставил навсегда и большую часть своей жизни – 40 лет вплоть до кончины в 1795 году – он провел на белорусских землях в Могилеве. Таким образом белорусский Могилев стал его «второй родиной», о ней он заботился неустанно до самого конца. Причем главной заботой епископа было улучшение нравственного состояния паствы.

Описание белорусской земли и непосредственно Могилева мы встречаем во многих трудах Георгия (его донесениях в Синод, письмах, историографических сочинениях), однако наиболее ярко облик новой родины просветителя отражен в его ораторской прозе – словах.

Прибыв в Могилев, епископ нашел состояние единственной в то время белорусской епархии крайне удручающим во всех отношениях: духовном, административном, финансовом. Архирей увидел неприглядную картину умственного и нравственного невежества низших слоев населения и священства. Религиозное запустение было вызвано длительными гонениями на православие со стороны католической знати, римского и униатского духовенства.

«Но – ныне кому неизвестно, в каком жалком виде наша Благочестивая Вера в сем Государстве? – говорил Георгий в 1767 г. в «Слове на день рождения Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссийской, Екатерины II». – ...В Литовском Великом Княжестве хотя и осталась последняя Епархия Белорусская: однако и сия большею частию расхищена. Могли вы еще видеть в ней некое число Церквей Православных, но и те сараям паче и хлевникам скотским подобны, а не храмам Христианским...

Таково Церквей внешних и рукотворенных состояние, плача достойное, но еще гораздо плачевнейшее внутренних, нерукотворенных, самага, говорю, сословия Правосверных Христиан. Отнят от них свет учения: школам и семинариям быть не допускают; а потому не только низкого состояния люди, но и само дворянство в крайней простоте и невежестве принуждено жить» [1, с. 89–90].

Слова Георгия рисуют неприглядную картину безнравственной жизни белорусов во второй половине XVIII века. С одной стороны, упадок нравов был результатом процессов ополячивания и окатоличивания народа, поскольку православное население в буквальном смысле было загнано во тьму невежества: ко времени приезда Георгия в Могилев (1755) на Белорусских землях уже не существовало ни одной православной семинарии, где бы готовились кадры грамотных священников и учителей, и оставалось очень мало приходских школ. С другой стороны, процесс растления общества был связан с урбанизацией жизни, с ростом городов, в которых традиционная христианская культура и патриархальный уклад жизни отступали под влиянием секуляризации.

При этом следует учитывать мировоззренческую позицию автора слов: Конисский воспринимает и оценивает реальный нравственный уровень поведения современников с позиций христианской аксиологии. В основе его суждений лежит православное «целомудрие» в широком смысле этого слова, то есть целостная система духовных ценностей, определяющих все аспекты человеческого мышления и поведения в их проекции на высший категориальный императив, коим является Господь Иисус Христос и Пресвятая Троица. Эта система ценностей выстраивается из двух основных составляющих – ветхозаветного Закона (прежде всего, Синайского Десятословия) и новозаветного учения о Любви, – и в свете ее постулатов, имеющих наивысший этический характер, реальная нравственность не только всегда проигрывает, но и выглядит крайне удручающе, нередко гиперболически чудовищно.

В «Слове в день св. Великомученика Георгия» 1890 г. Конисский так описывал современное ему нравственное состояние горожан и сельчан, обращаясь с риторическим восклицанием к святому Давиду: «О Давиде! ...когда ты в наш Могилев зашел, ты бы удесятерил жалобную песнь свою; ты бы сказал, уголка нет в городе, в коем бы не было насилия, неправды, лихоимства и обмана! Смело можно и о Могилеве нашем говорить, что сказал Пророк Исаия об Иерусалиме: какобысть блудница, град верный, Сион полн суда, в нем же правда почиваше, ныне же в нем убийцы. Князи твои не покажутся (заповедем Божиим), общницы татем, любяще дары, гоняще воздаяние, сирым несудящими, и суду вдовиц не внимающими [Ис. 1, 21, 23].

И сего довольно заметить о городах... В селах все другое: блуд у них тайный и редкий; а когда случится, так бракоокрадованную невесту, послы брака, не священник руками священными украшает наметкою, но последний из громады вилами гнойными знак бракоокрадения накидает на нее. <...> Начали, особливо в нынешния времена, и в селах проникать беззакония, как-то любодействия и другия мерзости плотския, но и сии плевелы от городов заносятся в села: привозя селение в город пшеницу и другия надобности, отвозят от нас мерзостные примеры необузданных беззаконий» [1, с. 426–428].

При этом из множества нравственных отклонений Конисского наиболее тревожило плотское растление людей – грех блуда и супружеской неверности. О нем он говорит очень часто, упоминает эту проблему в большинстве своих проповедей, но особенно пристально рассматривает ее в «Слове в неделю блудного сына», датированном 1785 годом. Используя смысловые и ассоциативные параллели с названием одного из воскресений, предшествующих Великому посту, Конисский углубляется в анализ причин и последствий блуда, подчеркивая особенную порочность и тлетворность данного этического преступления. Не случайно в качестве эпиграфа слова, выражающего главную мысль произведения, Георгий использует фразу из послания апостола Павла коринфянам: «Всяк грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть а блудяйвосвое тело согрешает» [1 Кор. 6, 18].

Конисский подчеркивает, что именно этот грех прижился в белорусских городах как «домочадец и приятель», причем чем крупнее город, тем этого порока в нем больше. Именно это дает ему основания сравнить современные города с Содомом, печальная «слава» которого при этом мерк-

нет. Георгий подробно разъясняет слушателям, что означает «согрешать в тело свое», нанося тем самым невосполнимый вред не только телу, но и душе. Во всех беззакониях, по мысли проповедника, тело выступает только орудием греха: «убийца убивает сторонняго, вор крадет чуждое», но только «один блудяй грешит в тело свое и вредит оно» вплоть до дурных болезней, которые просветитель даже не называет прямо, а лишь описывает их признаки: «расслабление тела», «пятна на лице», «смад дыхания», «точение червями», обостряющееся в последующем даже «при законном совокуплении» человека [1, с. 128].

Рассуждая об особенностях этого порока, который трудно поддается излечению, Конисский прибегает к образным сравнениям с библейскими героями: он сравнивает блуд с Далилой, которая напала на мощного Самсона не как враги – филистимляне – в открытую и со стороны, а тайно и на его собственном ложе. Тем самым Георгий показывает, что склонность к этому греху как врожденная находится внутри человека, с ним рождается, живет и способна нарастать до степени страсти, когда человек утрачивает связь с реальностью и ведет себя, как безумный, сам того не осознавая: «Страстию блудною кипящему человеку не говори ничего: он не верит Богу и суду Его страшному, он для блудницы в огонь лезет, не щадит здравия и живота своего, честь и именование ни во что ставит» [1, с. 129].

Основную проблему нравственного трезвения блудников Георгий усматривает в том, что даже кающийся блудник в момент размышления о мерзостях прелюбодеяния вновь искушается воспоминаниями, да так, что расслабляется душой и «нечувствительно тем услаждается, чем намерил омерзеть». Георгий прибегает к необычным цитатам из Иоанна Златоуста и апостола Павла, призывавших активно бороться со всяким грехом – «противиться дьяволу», – но не противиться блуду, не бороться, «сплетаясь с ним», а только убежать от него, как от чумы [Ефес. 6, 14]. Этическая диалектика в данном случае такова, что не столкновение, а «бегство от греха» становится нравственной победой над ним.

Но есть, по мысли Конисского, еще горшие духовные последствия блуда. В контексте христианского миропонимания (представлений о человеке, о Церкви, о Таинствах) и религиозной философии истории (эсхатологическая перспектива воскрешения на Страшный Суд) блуд наиболее ужасен тем, что он разрывает связь человека и Христа. В блуде оскверняется тело, призванное быть храмом, а не склепом, созданное быть частью «тела Христа», а не частью тела блудницы. Показывая всю мерзость прелюбодеяния, Конисский, по своему обыкновению, не чуждается использования просторечий и грубоватых фраз. Он называет нераскаянных блудников и блудниц гнездами дьявола и язвами «беса проклятого», сосудами с «гниющим и смадом блудницы сквернейшей», сравнивает их с предателем Иудой, в которого «вниде... сатана».

По принципу антитезы Георгий противопоставляет всему этому кошмару сияющий образ достойной жизни христианина, тело которого – «храм и чертог» Духа Святого, вместилище благовонного мира, гнездо «чистой горлицы», т.е. того же Духа. Просветитель призывает помнить об этом всех слушателей, стараться удаляться от растлевающей роскоши, прельщающих зрелищ и собственно от блуда. Обращаясь к блудникам, он просит их вспомнить об открытой двери покаяния – о возможности возвращения в Дом Отца.

Так в заключении слова Конисский изящно возвращает внимание слушателей к евангельской притче о блудном сыне, на которого похож каждый грешник, уклоняющийся от добра и света и блуждающий во тьме, иногда всю свою жизнь, до конца.

Говоря об образно-символическом содержании и духовной направленности слов Георгия о городе и деревне, в целом нужно понимать, что создавая свои проповеди, Конисский вовсе не стремился как художник к верному отображению действительности. Он как епископ, основываясь на системе христианских ценностей, пророчески обличает недостатки общества, вскрывает его пороки (язвы и нарывы) и предлагает способы их излечения. Данная идейная позиция с неизбежностью порождает тенденциозную художественную картину, призванную печально впечатлить слушателя настолько, чтобы он глубоко задумался о своих нравственных недостатках и стал на путь совершенствования.

Литература

1. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевскаго. – Могилев-на-Днепре: Скоропечатня илитогр. Я.Н. Подземскаго, 1892. – 470 с.

S.E. Somov

Mogilev State University named after A.A. Kuleshov

e-mail: somov@msu.by

Belarusian urbanization in the light of Christian axiology (based on oratorical prose by George Konissky)

Key words: moral character, city, village, sin, repentance.

The article analyzes the church sermons of the Belarusian Archbishop George of Konis, devoted to the moral character of the city and village; the worldview roots of the moral absolutism of Konis, which lie in the plane of Christian axiology, are revealed.